

Неоконченная партия

В самый сложный для России пореформенный период судьба одарила ее гениальным ученым-энциклопедистом и мыслителем в лице Дмитрия Ивановича Менделеева. Его называли «фанатом» науки, «государственником». И хотя не был он «человеком государственным», но экономическая политика державы того периода, по сути, проводилась на основе менделеевского плана индустриализации, базирующегося на «рациональном протекционизме». Для реализации этого плана необходимо было разработать новый таможенный тариф, как одну из мер поддержки отечественной промышленности. К этой работе Менделеева привлек Иван Алексеевич Вышнеградский, тогдашний Министр финансов России. Дмитрий Иванович проделал огромную работу. Он разработал общий таможенный тариф, принципы тарифной политики и сформулировал теоретические основы таможенного протекционизма. В процессе работы Менделееву пришлось преодолеть многочисленные трудности. Однако ему удалось в острых дискуссиях отстоять главные принципы своего проекта. И наконец, 11 июня 1891 года «Общий таможенный тариф Российской империи по европейской торговле» был утвержден. Его не без оснований называли «менделеевским». Новый таможенный тариф послужил хорошим стимулом для развития промышленности России. Вскоре после этого события Дмитрий Иванович приступил к новой работе в качестве Управляющего Главной Палаты мер и весов, где проработал до самых последних дней своей жизни и сделал еще немало открытий во славу России. Будучи преданным сыном России и человеком со всеми его противоречиями, Менделеев оставался загадкой для современников. Быть может, потому в жизни его порой происходили события и явления, не поддающиеся обычной житейской логике... Одно из таких загадочных мгновений жизни Дмитрия Ивановича Менделеева очень ярко, красочно и художественно описал в этом рассказе большой друг нашего журнала и очень талантливый литератор Александр Матвеев.

Александр Матвеев

Все началось с того, что позавчера утром он случайно взглянул на недоигранную три дня назад с коллегой, Фомой Завадским, партию в шахматы, которую оба противника оценили как ничейную. Последний ход оставался за соперником. Шел пятый час утра, и тот предложил мир. Менделеев кивнул: «Согласен, Фома Петрович». Разошлись, а шахматные фигуры собирали на доске: жаль сразу собирать их, - уж слишком красивой получилась партия. А позавчера он заметил, что одна из фигур передвинута. словно некто решил сделать ход за Завадского. Да какой ход: сдаваться впору! Кто же это сыграл с ним такую шутку?

Ну не слуга же Михайло! Впрочем, немного знала толк в игре жена. Но она к шахматным фигурам не притрагивалась, да и ход был из разряда «самых-самых». Во всякие мистические штучки он не верил и даже в свое время воевал с этим невежеством, буквально захлестнувшим высшее общество. Тогда даже серьезные ученые увлеклись спиритизмом, пытались общаться с потусторонними силами. И вдруг такое - с ним? Гоголь какой-то!

В Главной Палате мер и весов сразу почувствовали, что с их обожаемым руководителем творится нечто необычное: он был излишне резок, даже капризен. Когда одна из сотрудниц уронила барабан хронографа, набросился: «Разбила!» Чуть позже слышали его громовой голос в другом конце Палаты: «Самовар поставить не умеют!». А вечером, сгрудившись в канцелярии, сотрудники наблюдали, как он медленно идет по каменной дорожке к подъезду своего дома и гадали, что же такое приключилось с Менделеевым. А тот, не дойдя нескольких шагов до двери, вдруг хлопнул себя по лбу и счастливо рассмеялся. Сослуживцы переглянулись. Они не знали: сейчас им был найден ход, который спас шахматную партию.

Дмитрий Иванович удовлетворенно потер ладони и быстро вошел в дом. Партия была дей-

ствительно ничейной. Была. До дня вчерашнего. Пока «некто» не сделал еще один ход. Менделеев ответил почти мгновенно.

Надо бы прекратить эту чертовщину, но убрать фигуры с доски не позволял азарт игрока: а вдруг таинственный соперник придумает еще что-то. Но нового хода не было. Ни утром, ни днем. Ага, не просто с Менделеевым-то тягаться...

Оставшийся отрезок пути до дома тестя Александр Александрович решил пройти пешком: необходимо унять волнение и привести мысли в порядок. Выходя из переулка на Забалкановский проспект, замедлил шаг. В девятьсот пятую здесь были баррикады. Из-за тех смутных событий у них с тестем и возник спор, переросший в ссору. Тот искренне считал, что причиной беспорядков послужила неграмотность народа, презрение правящей верхушки к родине и даже литераторы, которые описывают ужасы жизни. Последнее замечание особенно задело поэта, и Блок не сдержался. Вспылнул.

Ситуацию сумела сгладить жена Люба. Однако простились холодно.

Блок поежился: к изрядному морозцу на проспекте присоединился порывистый ветер в лицо. На горизонте появились очертания трехэтажного дома, построен-

ного по инициативе тестя для сотрудников Главной Палаты. А Блок все мысленно возвращался к записке Менделеева с приглашением “заглянуть на огонек”. Как это не похоже на того, кто обычно говорил: “Мне никто не нужен, а кому я понадобится – сам придет”.

Менделеев оторвал взгляд от рукописи, закрыл папку, на обложке которой было выведено твердым почерком “Заветные мысли”. Скорее всего, это его последний и самый главный труд в жизни. Впрочем, сколько их было в его жизни, “главных”? Да, почитай, – каждый, за который бы он ни брался. О его работах спорили: восхищались, подвергали сомнению научные выкладки, откровенно смеялись, не понимали. Но всегда последнее слово оставалось за ним. Или – почти всегда. С годами все сложнее отстаивать свою правоту: все-таки восьмой десяток. Он не чувствовал себя стариком. По крайней мере, когда забывался в работе. Или играл в шахматы, нередко – до утра. В своем кабинете он был волен делать все, что угодно, не опасаясь укоризненных взглядов супруги Анны Ивановны. Даже курить вволю.

Рука привычно потянулась к табакерке, но замерла на полпути: пока воздержимся – слишком сильный кашель сегодня. Или все-таки закурить?

Он обернулся к портретам на стене, словно ища поддержки и совета. Лица близких в окружении

государственных деятелей, людей науки и искусства, коих уважал и ценил, как бы сами всматривались в него: “А все ли ты, Дмитрий Иванович, для Отечества сделал, не ошибся ли где по-крупному?”. Каждый из них имел право на такой вопрос. Это его семья, часть великой России. Как и он сам, ученый и государственный до самых, чуть пожелтевших от табачного дыма, кончиков своих ногтей.

Вот и сейчас очередное дело государственной важности, не требующее отлагательств: необходимо написать записку главе правительства по поводу проекта торгового договора России с Австро-Венгрией. С тех пор, как в последние годы обозначился переход мировых держав от автономной таможенной политики к системе конвенционных тарифов, подобными договорами ему приходилось заниматься постоянно. Ладно бы еще специфика предмета и сложности переговорного процесса, так будь добр преодолеть сопротивление внутренних сил, да каких влиятельных!

Он отыскал взглядом портрет Витте: постараюсь, Сергей Юльевич, да где время-то взять, столько интересных проблем вокруг. Эх, не отпускают дела таможенные. А все в шестидесятые началось: условия развития отдельных регионов изучать начал, проблемами конкретных производств и отраслей заниматься стал. Тогда-то и понял, что не фритредерские увлечения России необходимы в таможенной

политике, а строгий протекционизм.

Он поднялся из-за стола, стал вышагивать из угла в угол, хмуря брови то на табакерку, то в сторону портрета Витте. Казалось, столько синяков и шишек набил с тех пор, как впервые соприкоснулся с таможенной службой, этой святой святых государства, а старому чудаку все нейдет. Хотя, если между нами, любезный граф, “чудаки”, случается, и повыше нас сидят. Помните, когда в 1902-м я замыслил ледокол для полярного плавания? Чертежи, расчеты представил самому шефу русского торгового флота. И что же тогда великий князь Александр Михайлович молвить соизволили? Такому, мол, дерзкому человеку, как Менделеев, помочь отказываюсь. Каюсь, колючим человеком прослыл, так ведь речь-то моя всегда о пользе Отечеству! Не к месту мы порой в амбиции впадаем, – вот где корень наших бед. Пословицу придумали глупую – своя, мол, рубашка к телу ближе. А когда вопрос встал о курсе на индустриализацию, по совету вашему, самому государю писать пришлось! С 1897 по 1901 все пытался обосновать обдуманность покровительственной системы, неизбежность протекционизма. Слава Богу, обращения эти были государем приняты хорошо и некоторое действие произвели. Но не каждый раз к нему обратишься и не по всякому поводу, пусть и наиважнейшему!

Он взглянул на настенные часы, подошел к окну, отодвинул тяжелую штору темно-вишневого цвета. Январский день 1906 года уже подернулся сумраком. Вдохнул про себя: пора бы Александру подъехать, если только...

Размолвка вышла из-за событий годичной давности. Стрельба на улицах, обыски, разгул толпы, призывы свергнуть самодержавие. Заводы стоят, фабрики не работают. Митинги среди рабочих, студенчества. Вспомнились последние слова матери: “Настаивай в труде, а не в словах”. А тут все по Шекспиру: “Слова, слова, слова...”. И как Александр мог увидеть во всем этом некий рациональный момент! Или этот глубокий молодой разум сумел постичь в этом хаосе нечто такое, что укрылось от его старческого зора? Может быть, Блок

понял, что Монстр революции не уничтожен, а лишь затаился? Чудовище приоткрылось: я реально, я еще вернусь? Что-то не так просчитали, где-то ошиблись? И, прежде всего, – он, Менделеев. Тогда, тем более, надо трудиться! Всем, отвечающим за судьбу страны.

Он прошелся по кабинету и вдруг замер перед шахматным столиком: пешка “белых” продвинулась на клетку, открывая опасный простор для белого “слона”. Его незримый соперник сделал очередной ход.

Огромный город за окном жил своей тревожной жизнью, а в этом просторном кабинете, заставленном шкафами с книгами и рукописями, казалось, время замедлило свой ход. Свет керосиновой лампы освещал пожилое лицо с высоким лбом, обрамленное львиной гривой седых волос. Странно: человек, столько сделавший для прогресса, не пользовался телефоном, не любил электрического освещения. Привыкший к общению с “сильными” мира сего, он сумел сохранить природную, присущую сибиряку, первозданность. Внешний лоск не коснулся его, любая мода обходила стороной. Даже к “властителям дум”, Толстому и Достоевскому, относился настороженно, хотя и признавал их талант: “Ложно понимают искусство, да и жизнь, пожалуй, тоже”. А вот творчество его, Блока, принял как-то сразу и всячески защищал зятя от нападок критиков.

Поэт откинулся в глубоком кожаном кресле в углу кабинета и, сделав вид, что изучает позицию на шахматной доске, наблюдал за тестем: зачем все-таки Дмитрий Иванович пригласил его?..

Поначалу разговор зашел о вещах обыденных: не хворает ли Люба, хватает ли им денег. Вспомнили их с Любой свадьбу в августе девятьсот третьего. Венчанье в сельской церкви. Какая-то особая торжественность, что бывает лишь в Храме. И вдруг – слезы на щеках отца невесты. Церемония шла своим ходом, а он плакал как ребенок, нисколько не стыдясь своих слез.

Теперь Дмитрий Иванович вспоминал об этом с улыбкой. Казалось, еще чуть-чуть, и он подойдет к чему-то главному. Но вошла Анна Ивановна, принесла чай,

о чем-то спросила, вышла. Менделеев как-то сразу ушел в себя, вернулся к своим бумагам. Такие перепады в настроении тестя случались, и Блок воспринимал это как должное, не обижался.

А Менделеев скрутил очередную папироску, нахмурил лоб, глубоко вздохнул. В такие минуты Блоку казалось, что этот гениальный человек размышляет сразу обо всем. Для него не осталось в жизни тайн. Как это сложно – мучиться от понимания сути проблемы! Извлекать гармонию из вселенского хаоса. Ведь он все знает, все постиг. К счастью, поэт ошибался.

Блок не знал, что уже на закате лет Куинджи пригласил Менделеева в свою мастерскую. Художник давно не выставлялся, предпочитая показывать картины только близким людям. И Дмитрий Иванович был первым из тех, кто увидел знаменитую и завораживающую “Ночь на Днепре”. Этот берег с чертополохом и полевыми цветами. И реку, убегающую в безграничную даль. А в предрассветном небе – розовые, чуть серебристые облака. Менделеев физически почувствовал, как вокруг него заструился утренний туман. Впечатление такое, словно ничего еще не было, и – что все еще будет. Состояние подобное этому он, внук священника, впервые испытал мальчишкой. В церкви. Потрясенный картиной, Менделеев произнес: “Несчастье секретов у меня в душе, но вашего, Архип Иванович, никогда не постигну”.

Но в главном поэт не ошибался: к решению любой задачи Менделеев подходил комплексно. С позиций научных, политических, философских. Так было и с его знаменитым “Толковым тарифом”. Тогда речь шла о спасении государства, которое ученый видел в протекционистской политике. Внушительный труд был написан за несколько месяцев 1891 года. “Тариф” поражал широтой взглядов на судьбоносные для страны проблемы. Логические построения были настолько категоричны и имели свои ряды, что напоминали “периодическую систему”. Менделеев имел все основания заявить:

“Какой я химик, я политэконом”. А этот скучный с виду материал был сродни поэме.

Раздался очередной вздох: “А что, Александр, в литературных кругах тоже есть “менделеевщина”? Блок опешил: тесть сам затронул тему, о которой не принято говорить в этом доме. Словечко вошло в обиход в 1896-м. Занозой засело в душе. А все – съезд Торгово-промышленной палаты.

Выступление Менделеева в Нижнем Новгороде было убедительно и эмоционально. Он говорил о том, что, продолжая идти через колесящиеся хлебные нивы, столь милые русскому сердцу, Россия не достигнет экономического процветания. Убеждал в необходимости комбинации сельского труда с промышленным производством. По сути, речь шла даже не о таможенных пошлинах, а о судьбе

Биографическая справка

**Менделеев
Дмитрий Иванович**

Годы жизни: 1834–1907.

Образование: Петербургский Главный педагогический институт.

Открыл один из фундаментальных законов природы – Периодический закон химических элементов.

Управляющий Главной Палатой мер и весов.

Профессор Петербургского университета.

Член-корреспондент Петербургской академии наук.

Доктор Оксфордского и Кембриджского университетов.

Награды: медаль Коплея – высшая награда Лондонского Королевского общества.

державы. И победить Менделеева, казалось, было невозможно. В честной полемике. Когда же среди хихикающих бород и лысин возникла бритоголовая фигура с азиатскими чертами лица, все перевернулось. “А не потому ли господин Менделеев так защищает промышленность и корпорации, что сам имеет в том интерес?”, – вопрошал зал бритоголовый. “Кто это?”, –

растерянно спросил Менделеев. Оказалось – Савва Морозов. Сердце предательски защемило. Выпив глоток воды, Менделеев вновь вышел на трибуну: “Высочайшие особы прислушивались к словам моим. Капитал не имеет отечества. Как, и я – личного интереса...”. Все напрасно: он проиграл. А травля продолжалась.

Блок был смущен, но Менделеев, казалось, и не ждал ответа. Указывая пальцем на кипу журналов и газет на полу, откашлялся: “Ты только полюбуйся, что они пишут! Менделеев ложно понимает экономическое развитие страны! Невежда в финансовых вопросах, реакционер! Они даже готовы обвинить меня в поражении русского флота под Цусимой!”. Он говорил горячо, страстно. Нет, он не жаловался. Огромная боль за Россию была в его голосе, глазах, жестах. “Как это похоже на исповедь”, – подумал потрясенный Блок. Но еще большее потрясение ждало его чуть позже.

Неожиданно левой рукой Менделеев пригладил бороду, а правой – передвинул фигуру на шахматной доске: “А мы им так ответим, так!”. Блок машинально спросил: “Кому?”. Менделеев загадочно подмигнул и рассказал о странных перемещениях фигур на шахматной доске. Спросил: “Ну – как?”.

Едва ли не впервые в жизни Блок не нашелся, что ответить. Конечно, в последнее время за Менделеевым водилась привычка играть в шахматы с самим собой. Но Дмитрий Иванович имел в виду иное, объяснению не поддающееся. Шутка, розыгрыш с его стороны? Не похоже: слишком серьезны были глаза Дмитрия Ивановича. Не чуждый мистике, Блок молчал. Менделеев понимающе кивнул и погрузился в свои мысли.

Поэт решил, что пора откланяться. Но, уже покидая кабинет, услышал сквозь кашель: “Ход опять сделан! Каково?”. Блок обернулся и увидел, что белый “ферзь” напал на черного “короля”. Встретившись взглядом с поэтом, Менделеев усмехнулся: “Тяжелую артиллерию пустили в ход. Ну, да как-нибудь сумеем ответить”. Затем вздохнул и вернулся к столу. Вновь взглянул на застывшего в дверях Блока. “Саша, об этом – никому. А то и впрямь решат, что Менделеев...”,

– он щелкнул пальцами у виска и раскрыл папку с гербом на обложке. Необходимо поспешить с ответом премьеру.

На глаза попался чертеж семейного участка на кладбище. Вздохнул: здесь ему и лежать, когда придет время. Да, да – когда оно придет. Вот кто его невидимый противник – Время. Он затаился папироской, снова вздохнул и прошептал: “До определенного момента считаешь, что живешь вечно и многого не успеваешь сделать. Какая, в сущности, ошибка”.

Ровно два года спустя Александр Блок стоял у цементного склепа, окруженного гранитными тумбами с железными цепями. В ранних сумерках короткого северного дня. С цветами и непокрытой головой.

Казалось, еще вчера они говорили, спорили, шутили, а вот уж год, как ушел из жизни этот самый великий и непостижимый человек современности. Осталось три слова на граните. Ни бюста, ни барельефа, ни титула. Впрочем, титулом он никогда не подписывался при жизни. “Не изменил себе и теперь”, – подумал Блок. В памяти всплыла та странная, недоигранная шахматная партия. А, может, он сумел ее закончить? Кто выиграл в итоге, да и мог ли быть вообще победитель в такой партии? Теперь на это никто не ответит.

Над Волковым кладбищем Петербурга опустилась мгла. Но на душе Блока вдруг стало как-то светло и покойно. Подумалось: даже хорошо, что на памятнике нет ничего, кроме имени. Казалось, надпись сияла в морозных сумерках, грела сердце всякого сюда приходящего и не нуждалась ни в каких пояснениях: Дмитрий Иванович Менделеев. Время безжалостно, но справедливо: одни имена оно стирает из памяти, другим – жить в веках...

Блок положил цветы и поклонился. Тому, кого безмерно уважал и ценил. Поклонился низко-низко. Ото всей бескрайней России. Взмахнул рукой. И улыбнулся. Как живому.

Александр Матвеев,
драматург,
член Союза писателей России